

ВИКТОР МАРТИНОВИЧ

ВИКТОР МАРТИНОВИЧ

НОЧЬ

РОМАН

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.161.3-31
ББК 84(4Бел)-44
М29

Художественное оформление серии
Василий Половцев

Мартинovich, Виктор Валерьевич.
М29 Ночь : роман : авторский перевод с белорусского / Виктор Мартинovich. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 475, [5] с. — (Другая реальность).

ISBN 978-5-17-116568-0

Виктор Мартинovich — прозаик, искусствовед (диссертация по витебскому авангарду и творчеству Марка Шагала); преподает в Европейском гуманитарном университете в Вильнюсе. Автор романов на русском и белорусском языках («Паранойя», «Сфагнум», «Мова», «Сцюдзёны вырай» и «Озеро радости»). Новый роман «Ночь» был написан на белорусском и впервые издается на русском языке в авторском переводе.

«Ночь» — это и антиутопия, и роман-travelog, и роман-игра. Мир погрузился в бесконечную холодную ночь. В свободном городе Грушевка вода по расписанию, единственная газета «Газета» переписывается под копирку и не работает компас. Главный герой Книжник — обладатель единственной в городе библиотеки и последней собаки. Взяв карту нового мира и том Геродота, Книжник отправляется на поиски любимой женщины, которая в момент блэкаута оказалась в Непале...

УДК 821.161.3-31
ББК 84(4Бел)-44

ISBN 978-5-17-116568-0

© Мартинovich В.В., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

СЛОВО ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Доброе утро, прохожий!

Да откроется тебе песня вселенной!

Меня зовут Сатиш Сивачарьяр, и я перевел этот текст на английский язык, на котором ты его и читаешь. Я купил рукопись в лавке старьевщика на Колледж-стрит в Колкате за литр чистой воды, моток пряжи и почти не ношенные сланцы. Не знаю, как эти три тетради попали к лавочнику-бенгалцу. Когда я торговался, это не казалось мне важным, а когда показалось важным, торговец уже умер от малярии. Сначала меня просто привлек длинный текст, написанный от руки на незнакомом языке. Я решил вспомнить свою прошлую специальность и дешифровать написанное. Покупка оказалась на удивление любопытной: лексика и грамматика в рукописи отличались от других кириллических языков, учебники по которым я нашел в книгохранилищах имени Р. Тагора. Осознав, с чем имею дело, я бросил клич по бывшим коллегам и нашел словари и пособия, без которых был бессловес-

ным и неспособным. За то время, пока я совершенствовался в переводе, волосы мои стали седыми.

Почему я не оставил эту забаву?

Я достаточно долго живу на свете, чтобы понимать, что случайностей не бывает. До сих пор лучшие головы континента пытаются понять, что господь Шива сделал с нами во время наступления Ночи. Я быстро смекнул, что держу в руках ценный документ.

Наконец, я взялся за письменный перевод.

Конечно, мне хотелось подшлифовать миропонимание героя, его видение пережитых им приключений. Хотя бы там, где Книжник встретил аватару Харихари и стал носителем ответов, которые так ждет человечество. И там, где он не понял свою роль во всей этой истории из-за замороченного христианскими упрощениями сознания.

Но перевод — это таинство.

И я оставил нетронутыми все его предрассудки. Каждый должен расшифровать эту притчу заново и по-своему.

Сейчас, когда я переиздаю перевод, волосы моих сыновей стали седыми.

Мое предисловие одновременно стало и послесловием.

История начинается со счастливого конца.

Три тетради превратились в книгу, когда рукопись закончила свое путешествие в Колкате.

Книжник дошел до утренней зари. Мы снова познали Ночь.

ПРОЛОГ¹

Не бывает ожидания, не окрашенного беспокойством. Я ждал этого звонка одиннадцать месяцев, и было это тогда, когда выражение «ждать одиннадцать месяцев» еще имело смысл. Телефон зазвонил после того, как я потерял всякую надежду. С этого все и началось.

Что я в тот момент делал? Это нетрудно вспомнить. Ведь что такое одиночество? Это ситуация, когда с тобой не случается ничего, что не запланировал бы ты сам. Поправка: не одинок я. Со мною Герда. Но она, наевшись и нагулявшись, спала в кровати, на которой спать ей не разрешается.

Как триста тридцать предшествующих ночей, я тарасился в яблочник, лежащий у меня на коле-

¹ Этот фрагмент был написан карандашом на листах А4, сложенных четверо и прикрепленных к форзацу первой тетради. По состоянию бумаги хорошо видно, что фрагмент создан значительно раньше основного текстового массива. Возможно, тогда Книжник еще не был уверен, станет ли писать свою «Летопись Ночи». (Здесь и далее примечания переводчика.)

нях. Последней новостью, переданной человечеству перед тем, как эра Интернета закончилась, был рассказ о синтезе искусственного человека в Калифорнии. Графитовое создание не только прошло тест Тьюринга, но и сильно обиделось, когда ему объяснили, зачем задавали все эти вопросы.

Обида. Самое человеческое из чувств. Из-за этого чувства я ждал звонка одиннадцать месяцев. Временами хочется, чтобы наши близкие были неспособны пройти тест Тьюринга и наши глупости не обижали их.

Вы еще помните, что это было такое, Интернет? Штуковина, что заставляла тебя забыть о том, что за стенами — душный район не самой простой столицы на Земле. Что живешь ты в миниатюрной трешке-матрешке, в которой все комнаты переходят друг в друга и заканчиваются маленькой кухней (катакомбы навевают воспоминания о модульных отелях в Токио, где тоже все время задеваешь стены плечами). Что на улице — ноябрь, то есть от лета ты удален на максимально возможную дистанцию. Пока ты в яблочнике, тебе почти нормально. Пока ты серфишь, ты почти не одинок.

У меня в браузере отключена та круглая красная иконка *TR*, которая загорается, когда читаешь контент, сгенерированный текстуроботом. Эта игра в угадайку была данью ностальгии по тем временам, когда на *belles lettres*, созданных талантливыми (не графитовыми) авторами, я еще мог неплохо зарабатывать. Я пробовал догадаться, человеком или машиной изготовлен тот набор слов, что меня зацепил, и обычно угадывал. *TR* или *not TR*.

Отдельные хорошие тексты еще продолжали писаться людьми: на эту работу брали безработных, алкоголиков, людей с ограниченными возможностями — в общем, тех, кто не мог найти себе занятие в нормальной цифровой корпорации.

В случае с новостью о *Google Homo* все было очевидно. С одной стороны, в репортаже старательно не называли пол создания. Но из этого обязательно следовало, что текст написал бесполой робот. Потому что гендерная корректность после ряда скандалов сотворила с людьми-компиляторами новостей в точности то же самое, что уже было заложено во «врожденную» половую амбивалентность машин. Безразличие и скрытый интерес выглядят одинаково и на первый, и на десятый взгляд.

В деталях репортажа можно было заметить некоторые перекосы, свойственные «творчеству» искусственного интеллекта. Ни одного упоминания о первых словах, произнесенных *Google Homo*, зато подробное описание банкета, устроенного демиургами для прессы и доноров. Ни слова о цвете глаз, скелете, крови и мышцах, зато — целый абзац о том, что окончательная версия *AI* была сделана на основе программной сборки *Durante*. Перед которой изначально стояла задача усовершенствовать *Google Translate* до стадии, когда программа сможет переводить сложные поэтические тексты уровня «Божественной комедии». Впрочем, рассуждение про *Durante* было мной распознано в качестве нативной рекламы *Google*.

Но не мог же текст про первого способного обижаться искусственного человека быть написан ро-

ботом? Это было бы обидно. Я нажал иконку TR, узнал ответ, осмыслил его, и тут зазвонил телефон. Я сразу понял, что это тот самый звонок: для всех остальных уже слишком поздно.

Первое, что я услышал в трубке, был ветер. Потом через него прорвался немного осипший, но такой знакомый голос.

— Намасте.

— Привет, — сказал я со смолкшим сердцем. Несколько ударов ветра, молчание. — Все хорошо?

— Хорошо. Только холодно.

— Ноябрь. Вчера подтаяло, сегодня подморозило. Обычная наша погода — «околоноля».

— Я знала, что ты не спишь, и почувствовала, что должна позвонить. Несмотря на. Как будто что-то плохое случилось. Как там Герда?

— Спит твоя Герда, — отозвался я.

Герда на самом деле проснулась, подняла голову и внимательно слушала разговор.

— А как... — ее прервал свиристящий ветер, — ...сам?

— Сам не сплю. Что-то не спится.

— Ты только не подумай, что я простила. Что возвращаюсь или что-то такое. Я так. Почему-то почувствовала, что нужно позвонить.

Герда проскулила и приветливо гавкнула, узнав голос бывшей хозяйки. «Бывшая хозяйка». Не менее странное выражение, чем «синтезированный человек».

— Видишь, разбудила собаченцию, — прокомментировал я. Взвесил допустимость вопроса

с учетом наших текущих отношений и решил спросить: — Ты все еще в Тибете?

— Меня депортировали из Тибета. Я вернулась в Непал. Сейчас я в Сарангкоте.

— В Сарангкоте? — Мой голос сел. Я внезапно ощутил себя искусственным человеком, синтезированным из графита в Калифорнии. — Встречаешь рассвет?

Она затараторила, чтобы побыстрее проглотить неловкость:

— Да, в Сарангкоте. Но в этот раз решила пешком подняться. Вышла около полуночи. Такси бы двадцать долларов стоило.

— Мы на автобусе ехали.

— И я решила типа сэкономить. Поужинала, взяла чай в термосе и двинула вверх. Перепад высот несерьезный, меньше километра, можно не спешить. Музыку слушала. Роса уже легла, поэтому сошла с тропинки на разъезженную дорогу. А на той можжевеловой аллее меня подобрал джип с китайскими туристами.

Тут графитовый человек во мне захотел задать вопрос, не потому ли она звонит, что встречает рассвет в Сарангкоте. Но мой внутренний графитовый человек никогда не прошел бы тест Тьюринга, настолько он был тупой. Потому что с учетом текущих отношений такой вопрос был по-человечески неуместным. Вместо этого я почти утвердительно произнес:

— Красиво вокруг.

— Вершина затянута тучами, но через прогалены проглядывает такая... не громадина даже. А не-

вероятных размеров стена. На много километров вверх. Тут ощущаешь, что вселенная неизмеримо больше мира двуногих козляков. Когда выглянет солнце, стена — помнишь? — станет оранжевой.

— Помню, — слотнул я.

— Но рассвет еще не начался, небо черное.

Внезапно в трубке прогремело, будто где-то рядом с моей собеседницей взлетал самолет. Герда снова гавкнула, на этот раз беспокойно.

— Что это? — встревожился я.

— А это прикол такой. «Трубы конца». Тут рядом со смотровой площадкой буддистский монастырь. Когда первый раз заревело, китайцы туда сбегали и спросили, что происходит. И монахи им ответили, что празднуют «пуджу конца». Китайцы, естественно, поинтересовались, почему буддисты устроили «пуджу конца» на рассвете, а те весело объяснили, что просто пришло для этого время. И быстро попросились. Очень были заняты своими трубами.

Мы помолчали. Ветер на том конце утих. Человек — создание, которое трудно имитировать. Я так ждал этого разговора, а теперь все мои слова подморозило ноябрем растерянности. Сейчас я мог бы попросить прощения. Еще раз.

— Зачитать тебе парочку новых? — наконец предложила она.

Я этого не ожидал.

— И почему ты не заведешь себе Твиттер? — заученно пошутил я в ответ.

— В чем ценность афоризма, который знает весь Интернет? Из оправы для мудрости он превращается в признак подключенности к Сети.

— Раньше ты по-другому реагировала: «Потому что мне не шестьдесят лет».

— Ну тогда вот тебе из гималайских заметок: «В горах необязательно идти, чтобы пейзаж менялся. Все делают солнце и ветер».

Я промолчал, потому что афоризм меня не впечатлил. Собеседница смущенно хмыкнула и продолжила:

— «Все счастливые семьи несчастливы одинаково, каждая несчастливая семья счастлива по-своему».

Это мне понравилось, но с учетом наших текущих отношений я посчитал, что лучше проглотить похвалу.

На том конце раздался новый странный звук, похожий на отдаленный плач. Герда, услышав отголосок из трубки, оскалилась, будто хотела завывать.

— Что это? — прислушался я.

— Странновато... — В голосе появилась тревога. — Собаки завывли. Все собаки поселка. Как будто кто-то приказ отдал.

— Так бывает. Собаки обычно подхватывают вой. Одна начнет — другие за ней.

— И вот чего еще не могу понять. По часам солнце уже десять минут как встать должно было. А тут даже небо не посерело.

— Ты ошиблась в расчетах. Или часы синхронизировались с чем-то не тем и перескочили на десять минут назад. Бывает. Если и есть в космосе какое-то расписание, которому можно доверять, то это график рассветов и закатов.

Голос стал спокойнее.

— Может, и правда все в порядке. Сейчас еще и все огни внизу, у озера, погасли. Там огромный город. И он теперь весь во тьме. И ветер затих. Наверное, так всегда перед рассветом. Экономят энергию.

— Автоматика у них, скорее всего. У нас в Минске то же самое. Перед тем как солнце встанет, фонари гаснут.

Собаки продолжали истерично выть. Герда встревоженно всматривалась мне в лицо. В голове мелькнула новая, не из мирного времени, мысль, что, если на том конце что-то случится, я никак — ну просто совсем никак — не смогу помочь. Но что могло случиться? Она в Непале, а не в Афганистане. И даже то, что в Минске сначала светлело, а потом только автоматика отключала фонари, не должно было меня настораживать. Кто его знает, какие алгоритмы энергосбережения применяют в Гималаях.

— Что-то и на смотровой площадке у нас свет пропал, — спокойно заметил голос. — А у китайцев сдох телефон, с которого они попусу слушали. Тишь и жуть. Но они пытаются петь. Ты про *Google Ното* читал?

Ответить я не успел, наш разговор прервался. А несколькими секундами позже свет погас и у меня в комнате. За окнами тоже стояла темень: фонари проспекта, видневшегося через ветви далеких тополей, как и окна соседних пятиэтажек, оказались в полной темноте. Я прикинул в голове масштабы блэкаута, который одновременно случился бы и в непальских Гималаях, и в не самой простой для жизни столице, и отбросил возможность

взаимосвязи как анекдотичную. Совпадение, просто совпадение.

Наледь на окне образовала остrokонечный узор, похожий на кленовый лист. Раньше, до того как темно стало с обеих сторон стекла, он не так бросался в глаза. Я вышел на пропахшую мокрой тряпкой лестничную площадку проверить пробки, но, как ни клацал автоматами, восстановить подачу электричества не удалось. Ни в тот вечер, ни когда-либо позже.

И если перечислять отвратительные для меня вещи того мира, который закончился с ночным разговором, то возглавят список тексты, написанные живыми людьми, чья логика и стилистика стала полностью неотличимой от логики и стилистики роботов.

Интернет в яблочнике пропал, но само устройство держалось еще семь часов. К сожалению, никто в первые минуты блэкаута не понял, насколько ценным был каждый миг прощальной работы гаджетов.

Что бы я сделал, если бы смог включить своего бывшего электронного друга хотя бы на минуту? Поставил бы трек одной старинной группы. Мелодия до сих пор крутится у меня в голове. Там сначала идет медленное, даже немного неряшливое гитарное треньканье. А потом вступает голос. Он будто не поет, а говорит. Говорит, обращаясь к кому-то очень близкому. Он призывает проснуться. Вытереть слезы. И бежать. Я забыл точные слова и название трека, а посмотреть уже негде. Поверьте, ничего более осмысленного, обогащающего и прекрасного, чем прослушивание этой мелодии, человек с помощью электронного устройства сделать не мог. Ни в какие времена.